

УДК 801.81(=512.111) + 398.2(470.5)(=470.344)

DOI 10.31483/r-106577

Федотова Е. В.

ЧУВАШСКИЕ БЫЛИЧКИ: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ

***Аннотация:** работа посвящена анализу текстов чувашских быличек, записанных с конца XIX по начало XXI вв. в чувашских селениях Волго-Уралья. Цель исследования – выявить особенности содержания текстов чувашских быличек, ввести их в научный оборот. В исследовании представлена классификация быличек, составленная автором. Работа опирается на архивные и собственные полевые материалы. Тексты анализируются в дескриптивном аспекте, вместе с тем в работе автор обращается к этнографическому и лингвистическому подходам. Отличительной особенностью чувашской былички является ее содержание: описание пейзажа, обстановки, традиционного костюма, украшений, локальных особенностей культуры. Кроме того, быличкам присуще перечисление эндемичных топонимов, деталей, использование определенных наборов сюжетов, упоминание предметов быта, орудий труда, предметов упряжи, выполнение разного рода деяний. Самыми удивительными необходимо признать повествования о превращениях людей со сверхъестественными способностями в предметы быта (сукно, стул, подушку) или в животных (кошку, собаку, теленка, ягненка) и обратно в человека, превращения заложенных покойников в лошадей, предметов упряжи. Концовка быличек – обережная часть – часто содержит в себе синкретизм двух религий: дохристианской и христианской.*

***Ключевые слова:** быличка, чувашский фольклор, классификация, традиционное бытование, мифологический персонаж, содержательный компонент.*

Elena V. Fedotova

CHUVASH MYSTICAL STORIES: CONTENT COMPONENT

***Abstract:** the work is devoted to the analysis of texts of Chuvash epics recorded from the end of the XIX to the beginning of the XXI centuries. in the Chuvash villages of the Volga-Ural region. The purpose of the study is to identify the features of the*

content of the texts of Chuvash bylichek, to introduce them into scientific circulation. The study presents the classification of bulls compiled by the author. The work is based on archival and own field materials. The texts are analyzed in a descriptive aspect. At the same time, the author turns to ethnographic and linguistic approaches in the work. A distinctive feature of the Chuvash bylichka is its content: a description of the landscape, furnishings, traditional costume, jewelry, local cultural features. In addition, bylichkas are characterized by enumeration of endemic toponyms, details, the use of certain sets of plots, the mention of household items, tools, harness items, and the performance of various kinds of deeds. The most amazing are the narratives about the transformations of people with supernatural abilities into various household items (cloth, chair, pillow) or into animals (cat, dog, calf, lamb) and back into a person, the transformation of the mortgaged dead into horses, harness items. The ending of the epics often contains the syncretism of two religions: pre-Christian and Christian.

Keywords: *Chuvash folklore, bylichka, classification, traditional existence, mythological character, content component.*

Работа была выполнена параллельно при сборе, выявлении и систематизации текстов быличек для составления тома «Чувашское народное творчество. Былички» свода чувашского фольклора в отделе литературоведения и фольклористики (ныне филологическое направление, секция фольклористики) Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары, Россия).

Введение

Былички представляют собой рассказы о встрече человека с таинственными силами. В русской культуре такого рода мифологические рассказы и их персонажи послужили основой для создания художественных произведений. Например, И. С. Тургенев написал «Бежин луг», А. С. Пушкин «Утопленник», Н. В. Гоголь «Вий». В чувашской словесности к такого рода текстам относятся «Арçури» («Леший», 1879) М. Ф. Федорова, «Вёре сёлен» («Огненный змей», 1912) М. Д. Данилова, «Арçури (Каласа панинчен)» («Леший (Из рассказанного)», 1908-[1920]), «Вутăш хёрё» («Девушка, обитающая в воде», [1920]), «Вупăр»

(«Вубыр», 1927) М. Д. Трубиной, «Вёри сёлен» («Змей-соблазнитель», 1923), «Сичё тухатмаш» («Семь ворожей», 1923) Н. В. Васильева и др.

Былички активно бытуют в народе и по сей день. Это один из самых древних жанров устного народного творчества, самый живучий и интересный, в то же время малоисследованный.

Материалы и методы исследования

Работа выполнена в ходе составления тома быличек из серии свода чувашского фольклора в секции фольклористики Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее ЧГИГН) «Чăваш халăх пултарулахĕ»¹. Материалом исследования послужили включенные в указанный сборник тексты, архивные и собственные полевые материалы. Былички зафиксированы в конце XIX – начале XXI вв. в чувашских селениях Казанской, Самарской, Симбирской, Уфимской губерний, в настоящее время входящих в состав Татарии, Башкирии, Чувашии, Ульяновской и Самарской областей. Также анализируются тексты, записанные в Тюменской области. Всего изучено 646 быличек. Переводы текстов с чувашского на русский язык выполнены автором статьи.

Методы исследования – дескриптивный, аналитический.

Предпринятые изыскания позволят глубже представить картину мира чувашей, расширят понимание их традиционной культуры, мифологии, этнографии, языка, фольклора в целом.

Результаты исследования и их обсуждения о чувашских быличках и ее персонажах

Усал-тёсел халапёсем (былички) – это рассказы с установкой на достоверность о встрече человека со сверхъестественными силами. Важная составляющая чувашских быличек – тексты о нечистой силе (*усал-тёсел*), прорицателях, людях со сверхъестественными свойствами (*тёлёнмелле, халиччен пулман, пёлекен, пул-таракан, хăватлă; сăн-сăпатне, кўлеппине хай ирĕкёне улайштарма пултаракан*

¹ Материалы представлены в виде рукописи в научном архиве ЧГИГН в отделе временного хранения (инвентарный номер – 3350, год поступления – 2018).

сынсем), кладях и кладоискателях (*мул, пытарнӑ укҫа тата ӑна тупакансем*), мертвецах (*вилнисем*) и побывавших на том свете (*леш тӗнчере пулса курнисем*), свидетельства о домашних духах (*кил-ҫурт таврашӗнчи ыр-хаяр*), духах природы, обитающих в деревне и вокруг нее на неокультуренных территориях; рассказы о топосах, обладающих таинственной магической силой (*ялти, ял таврашӗнчи ыр-хаяр, ӑрӑмла вырӑнсем*).

Чувашские былички привязаны к какому-либо персонажу, определенному месту в пространстве: в основном к пугающим местам, «местам, где неведомая сила заставляет плутать, не дает найти дорогу, сбивает с пути» или местам, связанным с кладом. Привязка также возможна к особым дням или ночам, например: *калӑм каҫ, калӑм каҫ ҫӗр* – ночь (пограничное время) перед весенним праздником чувашей, живущих по старой вере, совпадавшая с пасхой, когда колдуны проявляют свои трансчеловеческие способности: становятся оборотнями, т. е. превращаются в предметы обихода или в домашних животных. Время и место рассказывания быличек, «время для частных бесед» [Левкиевская, 2008, с. 343] – это темное время суток: зимой на посиделках, в доме, где собирались соседи, чтобы поруководельничать и заодно рассказать друг другу сказки, случаи из своей жизни и жизни своих знакомых, куда непременно входили и *чӑн пулни* (были, былички) – то, что было на самом деле. В основном рассказывали взрослые, а дети и молодежь слушали. Летом в ночное дети сами рассказывали друг другу о произошедшем на самом деле: о встрече их самими или знакомыми с мифологическими персонажами, больше всего о лешем *арҫури*, злых духах *усал*, черте *шуйттан*. В ночь кӑлым, по-чувашски называемой *калӑм каҫ*, люди вспоминали разные случаи из своей жизни и жизни знакомых, односельчан, связанные именно со встречами с колдунами-оборотнями. В классическом традиционном бытовании былички рассказывались друг другу в своем кругу, причем слушатели тоже по очереди рассказывали примеры из собственной жизни или же из жизни знакомых им людей. При этом каждый из них был включен в традицию: знал чувашскую мифологию, персонажей, их признаки, место и время обитания. Классическим

примером передачи быличек служит рассказ М. Трубиной «Вупър» (1927)², где рассказчик повествует читателю случай из своей жизни, пережитый в детстве страх от увиденного: он видел, как *вупър* якобы ест луну. Здесь же приводятся рассказы соседа героя-рассказчика, старого человека, бывшего бурлака, а также своего родителя о произошедшем ранее таком же случае.

Таких примеров быличек из жизни чувашей, записанных циклично, по ходу рассказывания, сохранилось немного. В книге чувашского просветителя И. Я. Яковлева «Моя жизнь: воспоминания» есть рассказ о том, что по ночам «любил слушать страшные сказки, которые Иван придумывал сам...»³. Но самих текстов страшных сказок он не приводит. Вероятно, это были былички – в них всегда присутствует элемент страшного.

В сочинениях студентов Аксубаевского чувашского педагогического техникума также находим сведения о ночном. Ими последовательно описываются приезд на ночное, игры, сбор хвороста для костра, приготовление еды в золе, сказки и рассказывание о страшном: *Унтан пёр Вася ятлă усал ача пире шуйттансем синчен каласа хăратма пуçларĕ. Эпĕ ёненместĕп. Ыттисем ёненмеллипех ёненчĕс. Эпĕр, теççĕ, кĕçĕр учĕк варёнче, кунта пире шуйттансем хăратаççĕ теççĕ*⁴ (Потом мальчик Вася начал пугать нас рассказами о чертях. Я не верю. Остальные поверили. Говорят, мы сей ночью в ложбине *учĕк*, нас здесь черти будут пугать). Что именно рассказывал мальчик про чертей – не зафиксировано.

Былички, хранящиеся в рукописных фондах научного архива ЧГИГН, в основном записаны собирателями при ответе на вопросы анкеты. Их фиксировали по отдельности как самостоятельный текст по персонажам, не по цепочке, как

² Трубина М. Вупър // Сунтал. 1927. №6. 8 с.

³ Яковлев И. Я. Моя жизнь : воспоминания / вступительная статья Л. П. Куракова, археография, предисловие Г. Н. Плечова ; примечания, именной указатель Н. Г. Краснова. Москва : Республика, 1997. 696 с.

⁴ Текст записан студентом Аксубаевского чувашского педагогического техникума В. Котковым в 1936 г. в д. Сиктерме (совр. Хузангаево, чув. Сиктёрме) Алькеевского района Татарской АССР. Материалы лингвистической экспедиции в Татарию в 1936 г. Научный архив ЧГИГН (далее – НА ЧГИГН). Отд. 1. Ед. хр. 122. 541 с.

они рассказывались «во время частных бесед». Но есть и единичные примеры, когда запись текстов выстроена в цепь.

В большинстве текстов персонаж называется напрямую. Он номинирован для читателя, не вовлеченного в эту традицию, так как рассказы фольклористами записывались для чужих – для тех, кого не знают. Такого рода тексты уже находятся вне традиции: они записаны на бумажный носитель не для слушателей, которые могли бы рассказать в ответ свои былички, как было в традиционном бытовании, т. е. могли продолжить цепь рассказов о встрече с мифологическим персонажем.

В традиционном же бытовании – во время рассказывания страшной истории, имевшей место в жизни, – персонаж былички не номинирован, он загадан. Слушатели сами должны узнать, о каком персонаже идет речь, так как и рассказчик, и слушатели все являлись носителями одной традиции. Подобные тексты, в которых персонаж не номинирован, тоже имеются в научном архиве ЧГИГН: *Эпё сав сумаха ёненмен, пёре чайнахах илтрём: Кузма Матвей пуртекунче ача макрать*⁵ (Я не верил этим байкам, однажды на самом деле услышал: ребенок плачет в сенях Кузьмина Матвея). Ответ загадываемого текста – *усал* (нечистая сила); *Тата Тетёш уесёнче Аслă Кушăкра пёрре пуху пулнă тет те; пуху патне пычĕ тет икĕ лашапа трантаспа пёр сын. Пёр сынна каларĕ тет ятран: «Кил-ха, лар-ха трантас сине хам сума», – тесе каларĕ тет. Вара леи сын пырса ларчĕ тет те чуптарса кайрĕс тет. Ку сын ашта илсе кайнине пĕлмерĕ тет, айран кайрĕ тет; вара лашапа пыни каларĕ тет ку сынна: «Хуп кушна», – тесе каларĕ тет. Ларса пыракан сын каларĕ тет: «Ах, Турă», – тесе. Хай сын сыран хёрринче урине усса лара паратăп тесе каларĕ тет пухăва пырса. Вара пухури сынсем тĕлĕнсе кайрĕс тет*⁶ (Еще в Тетюшском уезде в Аслă Кушăк однажды

⁵ Записан в 1902 г. В. С. Ченчуковым в с. Тенеево (чув. Тени) Аликовской волости Ядринского уезда Казанской губернии, в настоящее время Аликовский муниципальный округ Чувашской Республики. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 237. 164 с. Здесь и далее диалектные особенности текстов сохранены.

⁶ Записан в 1905 г. В. Т. Салминовым в с. Большая Таяба (чув. Аслă Таяпа) Тетюшского уезда Казанской губернии, в настоящее время Яльчикский

⁶ <https://phsreda.com>

было сбирище, и к сбирищу подъехал некий человек на тарантасе, запряженном двумя лошадьми. Он окликнул другого человека по имени: «Подойди, пожалуйста, садись на тарантас рядом со мной». Когда этот человек подошел, сел, ускорили. Этот человек не знал, куда его везут, был ошеломлен. Тогда приехавший на лошадях сказал этому человеку: «Закрой глаза». Человек произнес: «Ах, Господи!». После произнесения этих слов все это (две лошади, тарантас, человек) исчезло с глаз рассказчика. Вернувшись обратно на сход, этот человек рассказал: сию, мол, на берегу, свесив ноги. Тогда собравшиеся удивились). Ответ загадываемого текста – *усал* (оборотень, нечистая сила).

В тексте есть и страх, и эмоции, которые являются обязательными в быличке. В традиционном случае загадывания былички рассказчиком равносильно тому, что человек загадывает загадку, только вместо традиционной загадки в современном понимании загадывается быличка без номинирования персонажа, но с указанием локуса, функций, внешнего вида и действий. По этим данным слушатели должны отгадать мифологического персонажа. В этом случае загадываемые тексты рассказывались для отгадывания в дидактических, поучительных целях. Рассказчик не просто передавал опыт собственного познания мира загадочных, неведомых сил – мифологических персонажей, но и делился знаниями. Подобные тексты древнее загадок.

Чувашская быличка информирует слушателей, а в современных условиях и читателей, о мифологических персонажах, их действиях и функциях, времени их активации, обережных действиях, которые нужно знать человеку, который ощутил действие мифологического персонажа, репрезентирует мифологическую информацию, инструктирует, как избежать возможных негативных последствий.

В корпусе чувашских быличек имеются объемные тексты, которые рассказывают о событии, произошедшем в течение нескольких часов, например, о возвращении мертвеца на проведение в честь него похоронно-поминального обряда *юпа*. Мертвец участвует в нем, затем за ним приходят неизвестные из иного мира

и силой уводят – он не хочет уходить. И все это будто видел один чуваш, возвращающийся на саних из селения Лысково⁷ Нижегородской области. По дороге догнал его умерший человек и попросился сесть в сани. Данный рассказ представляет собой уникальный текст, в котором говорится о том, как живой человек долго общается с мертвым, который шел на свой *юна* – пир, устроенный по случаю его перехода в другой мир. Обычно, в представлении чувашей, умерший человек до проведения *юна* еще не полностью ушел в мир иной, и с ним допустимо краткое общение в вопросно-ответной форме. Иногда ответ с его стороны может и не последовать.

Еще имеются примеры народных повествований о том, как *вупкӑн* / *инкек* (бедность) преследует человека: временной охват этих рассказов составляет несколько лет⁸.

В цикле чувашских быличек о том, что происходит на посиделках *улах ларни* кульминационным моментом является распознавание нечистой силы малолетними девочками. Когда на посиделки приходит нечистая сила в виде парней, девушки их не распознают. Они принимают их за настоящих молодых людей. Но среди девушек оказывается сестренка одной из них, которая видит, что это не парни, а нечистая сила: у них во рту огонь, вместо ног лапы или копыта, имеется хвост. В текстах не указывается, сколько было лет сестре, но она намного младше этих девушек. В рассказах повествуется, что она одна не выходит вечером на улицу, ее сопровождает старшая сестра. Судя по содержанию текста, сестренкой «считается дитя до семи лет, безгрешное и неподвластное козням нечистой силы» [Бернштам, 1988]. Поэтому она, в отличие от взрослых людей, обладает даром узнавания чертей и тем самым спасает свою старшую сестру.

Встречаются былички и бывальщины, в которых мифологический персонаж не номинирован: существует табу на произнесение слов, называющих нечистую

⁷ Лысково (чув. *Лискав*) – селение в Нижегородской области, город с 1922 г. Текст записан в 1912 г.

⁸ «Вупкӑн», «Пёр чӑваш почта ямшӑкӑнче сӳренӗ...». НА ЧГИГН. Отд. 3. Ед. хр. 213. Л. 36 (об.)–37.

⁸ <https://phsreda.com>

силу. Так же бывает в том случае, если нет названия мифологическому персонажу. Ими, например, в русской фольклористике являются проклятые, подменные или похищенные. В чувашских быличках в данной роли выступает девушка, которую проклинали или бросили в младенчестве родители, которая при благоприятном стечении обстоятельств вызволяется из состояния проклятья парнем либо солдатом, женившимся на ней. Свадьбе предшествует крещение. На нее тайком накидывается нательный крест, и после этого она начинает жить полноценной человеческой жизнью. Уничтожается и «обмен» – уродливый двойник похищенной девицы»⁹. Иногда, при преднамеренном ударе оземь, об пол, он превращается в полено.

Изучая былички русских Чувашского края, в частности, о русалках, М. Ю. Черноярова тоже замечает неноминированность персонажа респондентами: «Дух не всегда номинирован, но его принадлежность определяется пространственными координатами» [Черноярова, 2014, с. 334], через которые слушатель должен отгадать о ком из мифологических персонажей идет речь.

Некоторые чувашские былички, например, об *унӑте* (*екӑте*) обезьяне – «ипостасях *арсӑри* лешего» [Ендеров, 1984, с. 49–73], со временем отошли от своего жанра: в народе они стали рассказываться как сказки, оставляя на задний план имена конкретных людей, свидетельствующих о достоверности. Аналогичный процесс происходит и с мордовской быличкой, «основанной на вере в духов-покровителей стихий природы и домашнего хозяйства. Их все сложнее становится найти и зафиксировать, и они все более трансформируются в сторону сказки, что свидетельствует о необратимых процессах вымывания из народного сознания веры в реальное существование духов природы и домашнего хозяйства»¹⁰.

⁹ Мифологические рассказы русских крестьян XIX–XX вв. / Российская академия наук, Институт русской литературы (Пушкинский дом) ; составление, подготовка текстов, вступительная статья и комментарии М. Н. Власовой. Санкт-Петербург : Пушкинский Дом, 2013. 847 с.

¹⁰ Девяткин С. Г. Быличка // Мордовская мифология: энциклопедия: в 2 томах / научные редакторы В. А. Юрченков, И. В. Зубов ; Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2013. Том 1. 125 с.

Рассказы разных народов о мифических существах отличаются деталями, локальными особенностями, ассортиментом образов, конкретным набором сюжетов, но не жанровыми свойствами. Описание обстановки, пейзажа, упоминание бытовых предметов придают таким рассказам национальный колорит, в то же время они даже в большей степени, чем сказки, интернациональны по своему характеру [Тростина, 2014, с. 38–42]. По наблюдениям Э. В. Померанцевой, «южно-славянские рассказы, русские былички и бывальщины, эстонские предания, мордовские сказки о хозяине или хозяйке леса отличаются друг от друга обрисовкой и характером основного персонажа и вместе с тем глубоко родственны друг другу в силу типологической общности самого жанра – мифологического рассказа, суеверного мемората или фабулата» [Померанцева, 1975, с. 26]. Вместе с тем «близость друг к другу, даже общность демонических образов, живущих в представлении разных народов, не лишает их национального своеобразия: каждый из этих образов имеет свои особые черты, рассказы о нем отражают жизнь и быт того или другого народа» [Померанцева, 1975, с. 32].

Чувашские былички имеют территориальные особенности. Например, былички верховых чувашей отражают ситуацию вкратце. Есть примеры, когда некоторая часть текста просто подразумевается: ее надо знать, она читается между строк, например: *Ёлѣк-авал осал туса порнса Торхантай Торрини Екремре пѣр сын сортана. Вѣл сортана осал туват, сын вилет. (Торхантай Торри – кире-мет.)*¹¹ (Давным-давно жил некий человек, творивший зло со свечой в киреметях Торхантай Торри и Екрем. Он свечой делает зло, чтобы произошло худое, плохое, люди умирают). В тексте былички не говорится о том, что люди умирали от колдовства, наведения порчи, просто отмечается: он с помощью свечи делает зло, человек умирает. В первой части описывается действие, во второй части приводится следствие.

¹¹ Записан в д. Нижние Олгаши / Березовые Олгаши (чув. Лап Олкаш) Козьмодемьянского уезда Казанской губернии, в настоящее время Моргаушский муниципальный округ Чувашской Республики. Когда, кем записано, неизвестно [Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1937. Т. 14. 174 с.].

¹⁰ <https://phsreda.com>

Такую же подачу материала наблюдаем в следующем примере: *Стан ялѣнчи Эхвер Петѣрне усалсем лаша туса таканласа кѹлсех кайрѣс тет. Вѹл пурѹннѹ чух калатчѣ тет*: «Энѣ вилсен мана хуть те таканласа сѹретчѣр», – тесе. *Ана такан-лама усалсем тимѣрсе кашни уришѣн пилѣкшер тенкѣ панѣ, тават уришѣн сирѣм тенкѣ панѣ тет*¹² (Сказывают, что в деревне Стан черти Петра Эхвера обернули в лошадь, подковали, запрягли и уехали. Он еще при жизни говорил: «Когда я умру, пусть меня даже подкуют и будут ездить». Чтобы Петра подковать, черти кузнецу за каждое копыто дали по пять рублей, за четыре копыта двадцать рублей). Человеку, включенному в традицию рассказчика, мысль рассказа понятна. Для остальных она малоинформативна. По чувашским верованиям, людей, не захотевших жить до естественной смерти, на том свете превращают в лошадей, которых черти подковывают у кузнеца за большие деньги: отдают много больше установленной цены. Черти приходят подковать превращенную из человека лошадь чаще всего ночью. Петра Эхвера после смерти черти превратили в лошадь, подковали его, затем запрягли и уехали на нем. В тексте говорится, что Петр еще при жизни будто говорил: после смерти на нем, подкованном, можно будет ездить. Так оно и вышло. Как говорят чуваша, *саварна калани куш умне килет*, т. е. сказанное устами явится перед глазами [Федотова, 2019, с. 267–268].

Рассмотрим текст о людях со сверхъестественными способностями, например, о превращении человека в корыто: *Вопѣр карчѣксам калѣм кас сырмара валашка полса выртаччѣ тет. Сынсам кайнѣ та – портѣна каснѣ, кѣшкѣрать тет вара сав каска*¹³ (Говорят, старухи-вопѣры в ночь на калым на реке превратились в корыто и лежали на берегу. Люди пошли и порубили корыто топорами, кричит, говорят, корыто). Односельчане знают, кто, когда и чем занимается. Знают они и оборотней своей деревни и места их превращений, предмет, в который они мо-

¹² Записан в 1911 г. в д. Оточево (чув. Очѣкасси) Ядринского уезда Казанской губернии, ныне Моргаушский муниципальный округ. Кем записано, неизвестно. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 179. С. 79.

¹³ Записан в 1984 г. З. Александровой в д. Шомиково (чув. Шомик) Моргаушского района. НА ЧГИГН. Книга поступлений 12. Инв. № 6274. Тетрадь № 40.

гут обернуться. Некоторые из них превращались в корыто. Когда люди сознательно рубят его, оно кричит от боли. Односельчанам не нравится, что в их деревне есть оборотень, люди всячески стараются устранить его. Деятельность колдунов и оборотней, которые чаще всего приносили вред окружающим, внушали страх.

У низовых и средненизовых чувашей быличка рассказывается чаще всего более пространно, с подробностями, описаниями деталей с фотографической точностью. Но так происходит не всегда. Все зависит от ситуации, времени суток, возраста рассказчика, степени включенности собирателя в традицию, его заинтересованности в подробностях, бережного отношения к каждому произнесенному слову рассказчика, к деталям повествования.

Содержательной особенностью также является концовка быличек, где может приводиться поучение: что нужно сделать, чтобы не было худо, чтобы не встретить и не стать жертвой нечистой силы [Федотова, 2021, с. 159–160]. Это своеобразные моменты поучений для оберега, акцентирования внимания основным деталям по завершению трудового дня: *Туррӑн ятне хуть ӑста пырсан та асӑнса сӳре тенӑ авалхи таса сынсем*¹⁴ (Древние святые люди говорили, что всегда повсюду надо поминать имя Всевышнего); *Хӗрт-сорта ним те калаҫ ҫок тит, атту вӑл ҫопать тит. Кӑнчала арласа пӗтерсен хӗрт-сорт арласран сыхса хомалла тит*¹⁵ (Говорят, хӗрт-сурт ничего не нужно говорить, а то она даст пощечину. После прядения, чтобы хӗрт-сурт не пряла, надо завязать прялку).

В чувашском корпусе текстов есть былички, где отражается синкретизм дохристианской и христианской религий. Это касается обережной части рассказа, в которых, например, могут сочетаться обереги дохристианского быта в виде

¹⁴ Записан в 1906 г. Н. И. Шивыровым в д. Тенеево (чув. Теней / Ёсекпуҫ) Федоровской волости Стерлитамакского уезда Уфимской губернии. Рукопись названа «Халапсем. Пулнӑ ёҫсем». НА ЧГИГН. Рукописный фонд Н. В. Никольского. Отд. 1. Ед. хр. 160. С. 106–113.

¹⁵ Записан в 1939 г. у Перасковьи Жертановой М. М. Федоровым в д. Хирлукасси (чув. Хирлӱкасси) Красночетайского района Чувашской АССР. Научный ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 77. Л. 81–81 (об.).

¹² <https://phsreda.com>

смены обуви с правой ноги на левую и наоборот, использования *тилеи турачĕ* (рябинового прута) или прута с шипами *йĕплĕ турат* (шиповника) с оберегом христианской культуры в виде чтения православной молитвы и обращения к *сăх сăхни* (крестному знаменю) либо тайному накидыванию нательного креста. Последнее описано в быличках о *вутăш*.

Чувашская *вутăш* (аналог русской русалки) при очищении крестом или накидывании на нее креста способна жить в реальном мире, как человек. Этому есть конкретный пример, записанный учителем И. Ивановым в 1881 г. из жизни реальных людей Буинского уезда Симбирской губернии (ныне Буинского и Тетюшского муниципальных округов Республики Татарстан)¹⁶.

Об аналогичном тексте есть публикация Н. Каменского в «Известиях по Казанской епархии»: «Чуваши *вутăш* представляют в образе молодой, красивой девицы, у которой волосы всегда бывают длинные. Чуваши рассказывают о русалках, будто они по временам выходят на берег и расчесывают свои волосы. Когда русалка заметит, что к ней подходит какой-нибудь человек, тотчас же она ныряет в воду. Есть еще предание, будто один человек Чистопольского уезда Новоадамской волости деревни Старосавруши, заметивши на берегу русалку, расчесывавшую свои волосы, подошел к ней, но русалка быстро нырнула в воду и оставила на берегу расческу или гребень. Тот человек увидал расческу и взял ее. Вспомнив про забытую расческу, русалка вышла из воды и стала просить ее, тот сказал ей: «Если ты выйдешь за меня замуж, то я возвращу тебе твою расческу». Русалка согласилась на это предложение и вышла за него замуж. Они жили вместе долго и оставили детей, которые до сего времени называются потомками русалки. Чуваши говорят, что эта история действительная»¹⁷.

¹⁶ Записан в 1881 г. И. И. Ивановым в округе Девятиселья (чув. Тăхăр ял) в Буинском уезде Симбирской губернии (ныне эти селения входят в Буинский и Тетюшский муниципальные округа Республики Татарстан). Ранее рукопись приписывалась М. П. Петрову. НА ЧГИГН. Отд. 1. Рукописный фонд Н. И. Ашмарина. Ед. хр. 31. Чăвашсем. С. 45–48.

¹⁷ Каменский Н. Современные остатки языческих обрядов и религиозных верований у чуваш // Известия по Казанской епархии. Казань. 1878. № 24. С. 673–683.

Описание традиционной чувашской одежды и национальных женских украшений в быличках

В чувашских быличках встречается описание традиционной национальной одежды и украшений: «У нас в лесу есть овраг, называемый «виле варё» (овраг мертвеца). В этот овраг один чувашин бросил свою зарезанную жену. Эта женщина часто является прохожим в различных видах и старается сбивать проезжих с пути всевозможными средствами. Один чувашин рассказывал, как очевидец, что он раз пошел в этот лес лыко рубить. Заходя в «виле варё», увидел у большого дуба женщину в белом одеянии и в свадебном наряде – с «шўлкеме»¹⁸, «хушпу»¹⁹, «аму»²⁰. Женщина стояла лицом к дереву, а сзади видно было «шўлкеме». Мужик, намереваясь сорвать с нея «шўлкеме», схватил было за край его, – но неожиданным и сильным взмахом руки женщина отбросила его назад. Мужик упал и в бесчувственном состоянии долго лежал, а потом, придя в себя, он встал, но женщина тогда пропала; и он скорее отправился домой»²¹.

В другом тексте также описывается чувашский наряд девушки: *Каҫ та пулса килет. Шыв хёррипе пынӑ чух хайхи Шёкёр чӑвашё пёр хитре хёре курах каять. Хёрё чӑвашила тумланӑ: тухъяллӑ, тенкёллӑ илемлӑ хёр. Унӑн аллинче витре пулнӑ. Шёкёр чӑвашё ӑна тӗлӗнсе кайсах пӑхса тӑрать... <...> «Турӑ ҫырлахах! Ах, Турӑ! Мӗнле капла пуян эсир?!» – тесе калама ҫех ёлкӑрнӑ Шёкёр чӑвашё. Вӑл Турӑ ятне асӑнсанах хай илемлӑ хёр те, вӗсен чаплӑ ҫурчӑ те сасартӑк куҫран ҫухалнӑ. Ҫётсе кайнӑ чӑваш каллех пёр-пӗччен кӑна тарӑн ҫырма*

¹⁸ *Шўлкеме* – нагрудное женское украшение из мелких бус и монет.

¹⁹ *Хушпу* – женский головной убор, украшенный монетами и бусами.

²⁰ *Ама* – женское нагрудное украшение из монет.

²¹ Записан в 1910 г. в д. Собаккасы (чув. Сопаккасси) Янгильдинской волости Козьмодемьянского уезда Казанской губернии, в настоящее время Чебоксарский муниципальный округ Чувашской Республики. Текст на русском языке. Орфография составителя рукописи 1910 г. сохранена. НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 177. С. 513–520.

*хутламёнче тӑра панӑ*²² (Настает ночь. Когда шел по берегу реки, чуваш из Казаково неожиданно увидел красивую девушку. Девушка была одета в чувашскую одежду: красивая девушка в тухье с украшениями-монетами. В ее руке было ведро. Чуваш из Казаково стоит, с удивлением на нее смотрит... <...> «Боже, помилуй! О, Боже! Как вы так богаты?!» – только и успел сказать чуваш из Казаково. Как он помянул Бога, и та красивая девушка, и их красивый богатый дом вдруг исчезли с глаз. Заблудившийся чуваш опять остался один-одинешенек, стоял в изгибе глубокого оврага). Здесь образ девушки в национальной одежде – *чӑвашла тумланӑ* (одета по-чувашски). Девушка в девичьем головном уборе *тухья*. Также на ней девичье украшение из монет – *тенкӗ*.

Персонажи быличек ходят не только в чувашской одежде, но иногда совершают действия, выдержанные в национальных традициях, например, пляшут и поют, обернувшись в образ женщины-участницы свадьбы: *Сипинкке варёнче туй арӑмӗ пулса таишласа юрлатчӗ*²³ (В Яре Сибинке плясала и пела в образе женщины-участницы свадьбы).

Древние традиции и редкие словесные выражения в быличках

Былички сохраняют в себе и древние традиции. Даже в текстах, зафиксированных в 1980 гг., встречаются редкие оригинальные детали, к которым следовало бы отнестись более бережно. Некоторые архаичные выражения, ныне бытующие только в текстах быличек, отражают в себе важные моменты. В частности, такого рода выражения представляют ценную информацию для реконструкции древнего свадебного обряда. Например: «*Вӑкӑр варӗ тӑрӑх туй хушпуна пынӑ пулӑ* (выделено нами. – Е. Ф.). *Ҫав туй халӑхӗ пӗтӗмпех вилнӗ. Те ҫӗр ҫӑтнӑ вӗсене. Ҫав тӗлелле ёлӗк шурлӑх пулӑ тет. Ҫӗр ҫемҫе пулӑ, халь унта тиннӗ. Вӑт ҫавӑнта ҫӗр ҫӑтнӑ вӗсене. Ку пирӗн аннесем ҫураличченех пулӑ тет. Пӗрисем ҫак Вӑкӑр варӗ тӑрӑх иртсе пырасҫӗ тет. Хайхи вӑрман енчен*

²² Рукопись С. В. Эльгера. Папка с записями-воспоминаниями. Фольклорные материалы. НА ЧГИГН. Отд. 5. Ед. хр. 204. 12–33. С. 18–20.

²³ Записан в 1902 г. в с. Тенеево Аликовской волости Ядринского уезда Казанской губернии. НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 237. 164 с.

туй кёрлесе килет тет: таишласа, юрласа. Кусем хъраса ўкеççе тет. Туй çывхарса килет тет, анчах никам та курăнмасть. Кусен купăс пулнă тет. Хайхи купăсне каласа яраççе. Çав вăхăтрах туй сасси пётет. Кусем вара хăвăтрах ка[я]ççе унтан. (По Бычьей ложбине шел свадебный поезд в хушпу. Участники этой свадьбы все погибли. То ли земля их проглотила. Примерно в тех местах в старину болотистое место было. Земля была мягкой, сейчас там высохло. Вот там земля их проглотила. Это было еще до рождения наших матерей. Однажды шли по этой Бычьей ложбине некие люди. Откуда ни возьмись со стороны леса свадьба идет (приближается к ним) с шумом: распевая, танцуя. Испугались люди. Свадьба приближается, но никого не видно. У этих гармонь была. Вот они и заиграли на ней. В тот самый момент звуки свадебных песен и плясок исчезли. Эти быстрее ушли отсюда)»²⁴.

Для людей, не вовлеченных в древнюю чувашскую свадебную традицию, возникает вопрос: как может идти свадебный поезд в хушпу? На этот вопрос частично можно ответить на основе изучения семантического поля слова *хушпу*, а также, возможно, записей рукописных фондов научного архива ЧГИГН, описывающих старинный свадебный обряд. Как нам представляется, свадебный поезд в хушпу – это свадебный поезд, участники которого едут в поезде в хушпу – *туй арăмĕсем* – замужние женщины-чувашки в национальном головном уборе хушпу. Возможно, с ними были и мужчины. Звон серебряных монет богато украшенных хушпу раздавался вокруг мелодичным звоном. Судя по контексту, здесь хушпу охватывает, одним словом, всех участников свадьбы – и мужчин, и женщин. Но вопрос остается открытым для более подробных исследований в перспективе с привлечением дополнительного материала.

В некоторых текстах иногда можно наблюдать людей-носителей чувашской традиции, как будто испытывающих дружественное отношение к так или иначе мирным мифологическим персонажам. Известен текст, в котором женщина назвала *арçури* кумой, чтобы вернуть обратно ребенка, забытого семьей в поле

²⁴ Записан в с. Климово (чув. Кĕлĕмкасси) Ибресинского муниципального округа Чувашской Республики, относящейся к этнографической группе анатри.

на краю леса: *арсури* нянчился с ним. В следующем тексте, например, встречается редкое выражение, адресованное самому персонажу: *Ѕӹлте, ял вёсёненче авӹн сапнӹ. Ѕёрле, тул сутаӹлас умён пёри киле кайма тухнӹ. Лашине куӹнӹ те пырать. Ѕав вӹхӹтра сул синче урапа сине пёри, тӹлӹп тӹхӹнӹскер, лӹп сес у[лӹ]кса ларчӹ тет. Мёнле ларчӹ, савӹн нек лаши те тӹп сес чарӹнса тӹчӹ тет. «Ох, хоспоти помилуй, ку кашкӹр кёсӹтенки мён тума укса ларчӹ кунта?» – тесе калать тет. Мёнле хоспоти помилуй тесе каларӹ, савӹн нек сынни те сухалчӹ тет, лаши те тапранса кайрӹ тет²⁵* (На холме, в конце деревни, молотили хлеб. Ночью перед рассветом некий человек собрался ехать домой. Лошадь запряг и поехал. Едет. В это время на дороге один, одетый в тулуп, резко сел к нему на телегу. Как сел, так и лошадь встала. «Ох, Господи, помилуй, этот волчий свербень зачем еще сел сюда в мою телегу?», – сказал он. Как произнес молитву, так и исчез тот человек, и лошадь пошла). В этом тексте хозяин лошади вопрошает в жесткой форме у персонажа неясной номинации, почему это он сел на его телегу, произносит осторожное выражение, и тот покидает его телегу. Из подобных текстов видно, что представители этого и параллельного мира иногда уживались между собой, не причиняя друг другу особого вреда. В данной записи также сохранилось редкое выражение *кашкӹр кёсӹтенки* (волчий свербень), употребляющееся во время возмущения. Оно не зафиксировано ни в словаре чувашского языка Н. И. Ашмарина, ни в чувашско-русском словаре под редакцией М. И. Скворцова.

Ономастика быличек

В чувашских быличках встречаются следующие ойконимы: *Тетӹш* (Тетюши), *Шупашка* (Чебоксары), *Чикме* (Козьмодемьянск), *Лыскав / Лискав* (Лысково), *Слакпуш* (Слакбаши), *Аслӹ Кушӹк* (Большие Кошки), *Шӹкӹр* (Казаково),

²⁵ Записан в 1984 г. в с. Климово Ибресинского района Чувашской АССР у Ф. А. Орловой 1911 года рождения. Научная библиотека Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова. Отдел редких книг и рукописей. Фольклорные материалы, записанные студентами Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова в разные годы. 1984. Тетрадь (номер не указан). С. 72. Публикуется впервые.

Сăнар (Санары), *Шăнкас* (Клычево), *Коракăшри шёшкё* (Орешник в Корагыши), *Туşa вăрманё* (Тойсинский лес), *Сипинкке варё* (Яр Сибинке), *Тарăн вар* (Глубокий яр), *Мăрсаккай сырми* (Речка Мързаккай) и др. Топонимы также являются своими национальными, чувашскими, которые больше нигде не встречаются, а только там, где живут герои свидетельских рассказов. Данная черта – еще одна важная особенность чувашских быличек. Представленные ойконимы, как и указания на конкретные антропонимы, придают быличкам убедительность: есть некий факт, который не поддается логическому объяснению.

Любопытная деталь обнаруживается в группе названий персонажей, о которых былички не зафиксированы, скорее они утеряны. При этом номинации этих персонажей встречаются в текстах, относящихся к другим жанрам. Например, в текстах заговоров упоминается персонаж *авăн ийи* (ийе овина, овинник). О том, какие бывают ийе, можно найти сведения в архивных записях²⁶. Другой пример представляет такой персонаж, как *суккăр пери* (слепой пери), зафиксированный только в одном тексте. Между тем в народе о нем говорят и по сей день.

Выводы

Былички открывают аутентичный мир носителей чувашской традиционной культуры. Действия персонажей углубляют знания об их функциях. Тексты быличек поражают свидетельствами об иномирном, полностью еще неизвестном. Вместе с тем былички сохраняют в себе редкие этнографические свидетельства, которые в настоящее время в живом бытовании уже не наблюдаются.

В быличках можно найти ранее не зафиксированные, уже не употребляемые языковые выражения. Изучаемые тексты несут в себе новый этнографический и мифологический материал, достойный лексикографирования.

Чувашские былички транслируют традиционную культуру: персонажи говорят и действуют, соблюдают этикет согласно чувашским традициям, носят

²⁶ ...*Çапла вара тёрлĕ вырăнти иесем: пурт ийи, карта ийи, мунча ийи, уй ийи, вăрман ийи, арман ийи, сул ийи, сырма ийи, шыв ийи – пулса тăнă. Иесем – вĕсем сывлăшсем, куşa курăнмасăĕ. Этем куşне курăнас пулсан, вĕсем е этем сăнне е урăх чĕрчун сăнне илесăĕ.* НА ЧГИГН. Отд. 3. Ед. хр. 213. Л. 37.

национальный костюм и украшения, исполняют народные свадебные песни и пляски. Исследование открывает новое в описании портретов, действий, речи чувашских мифологических персонажей быличек и тем самым обогащает знания в области традиционной культуры, фольклора, языка и этнографии.

Список литературы

1. Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: половозрастной аспект традиционной культуры. Ленинград : Наука, 1988. 279 с. EDN YXBUSL
2. Ендеров В. А. Образ лешего (арсури) в чувашском фольклоре // Исследования по чувашскому фольклору. Чебоксары, 1984. С. 49–73.
3. Левкиевская Е. Е. Быличка как речевой жанр // Фольклористика и культурная антропология сегодня: сборник статей в честь 65-летия С. Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности. Москва, 2008. С. 341–363. EDN RDOGMR
4. Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре / АН СССР. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Москва : Наука, 1975. 191 с.
5. Тростина М. А. Образная система современных мифологических рассказов русских и мордвы (на фольклорном материале, собранном в Республике Мордовия) // Финно-угорский мир. 2014. №4. С. 38–42. EDN TKBEVT
6. Федотова Е. В. Мифологический рассказ о кладах как художественная основа произведения Игнатия Иванова «Не зарься на готовое, припаси сам» // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2019. №3. С. 182–188. EDN IIZRNL. DOI 10.26293/chgru.2019.103.3.024
7. Федотова Е. В. Мифологические рассказы чувашей юга Тюменской области (по материалам экспедиции 2006 г.) // II Сибирский форум фольклористов: к 90-летию со дня рождения А. Б. Соктоева, основателя серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск : Алекспресс, 2021. С. 159–160. EDN DHWOXE

8. Федотова Е. В. Чувашские былички о превращениях заложных покойников в лошадей // IV Всероссийский конгресс фольклористов. Москва : ГРДНТ имени В. Д. Поленова, 2019. Том 2. С. 267–273. DOI 10.24411/9999-022A-2019-10235

9. Черноярова М. Ю. Русалки как традиционный персонаж русских мифологических рассказов Чувашского края // Ашмаринские чтения. Чебоксары : Издательство Чувашского университета, 2014. С. 333–336. EDN UMRZOB

References

1. Bernshtam T. A. (1988). Molodezh' v obryadovoj zhizni russkoj obshchiny XIX – nachala XX v.: polovozrastnoj aspekt tradicionnoj kul'tury. Nauka. EDN YXBUSL

2. Enderov V. A. (1984). Obraz leshego (arçuri) v chuvashskom fol'klore. Issledovaniya po chuvashskomu fol'kloru, 49–73.

3. Levkievskaya E. E. (2008). Bylichka kak rechevoj zhanr. Fol'kloristika i kul'turnaya antropologiya segodnya, 341–363. EDN RDOGMR

4. Pomeranceva E. V. (1975). Mifologicheskie personazhi v russkom fol'klore. Nauka.

5. Trostina M. A. (2014). System of images of modern mythological stories of Russians and Mordovians (based on folklore material collected in the republic of Mordovia). Finno-Ugric World, 4, 38–42. EDN TKBEET

6. Fedotova E. V. (2019). Mythological story on treasures as artistic basis of the works of Ignatij Ivanov “No need to covet the ready, save yourself”. I. Yakovlev Chuvash state pedagogical university bulletin, 3, 182–188. EDN IIZRNL. DOI 10.26293/chgpu.2019.103.3.024

7. Fedotova E. V. (2021). Mifologicheskie rasskazy chivashej yuga Tyumenskoj oblasti (po materialam ekspedicii 2006 g.). II Sibirskij forum fol'kloristov, 159–160. EDN DHWOXE

8. Fedotova E. V. (2019). CHuvashskie bylichki o prevrashcheniyah zalozhnyh pokojnikov v loshadej. IV Vserossijskij kongress fol'kloristov, 2, 267–273. DOI 10.24411/9999-022A-2019-10235

9. Chernoyarova M. Yu. (2014). Rusalki kak traditsionnyy personazh russkikh mifologicheskikh rasskazov Chuvashskogo kraya. Ashmarinskie chteniya, 333–336. EDN UMRZOB

Федотова Елена Владимировна – канд. филол. наук, методист Чувашский республиканский институт образования Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация.

Elena V. Fedotova – Candidate of Philological Sciences, Methodologist, Chuvash Republican Institute of Education of the Ministry of Education and Youth Policy of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation.
